

Рец. на: Т.М. Китанина. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций. СПб.: Гуманитарная Академия, 2016. 352 с., ил.

Irina Pushkareva

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Т.М. Kitanina. Rossiia v Pervoy mirovoy voine 1914–1917 gg.: ekonomika i ekonomicheskaja politika. Kurs leksiy. Saint Petersburg, 2016

DOI: 10.31857/S086956870000145-0

Уже несколько лет внимание исследователей приковано к двум важным для исторической науки юбилеям – Первой мировой войны 1914–1918 гг. и Великой российской революции 1917–1922 гг. В отечественной историографии долгие годы в качестве основных причин революции был принят тезис о том, что Российская империя в 1917 г. не выдержала экономических перегрузок военного времени. Сегодня, отвечая на вызовы времени, идёт активное изучение внешне- и общественно-политических или сугубо военных проблем, изменений в общественном сознании рассматриваемого периода, не ослабевают интерес к темам переворотов и заговоров. В научной литературе то искусственно преувеличивается социально-экономическое обновление и подъём экономики России в военные годы, то, наоборот, делается акцент на отсталости её хозяйственного развития, традиционализме. Существует и мнение о том, что экономическое развитие нашей страны было прервано не войной, а Октябрём 1917 г., хотя новые исследования военной политики царского правительства вносят в этот вопрос определённую ясность¹.

К сожалению, во внушительном объёме материалов по экономической тематике в новых обобщающих трудах по истории страны как до Февральского переворота, так и на протяжении всего демократического этапа революции в 1917 г., весьма поверхностно анализируются сюжеты по экономике военного периода, суть хозяйственного развития страны как совокупность производственных и общественных отношений, различных сфер труда, деятельности правительства. Поэтому так сложно разобраться в комплексе причин трагического для России 1917 г., оценить масштабы разрушенных войной общественных связей к приходу большевиков к власти и понять значение ставшей необходимостью для страны общественной перестройки, не сводимой лишь к индустриализации.

Хотя книга Т.М. Китаниной по истории России, находившейся на перепутье эпох, представляет собой курс лекций, это пока единственная публикация, где последовательно

(начиная с предвоенного времени и включая 1917 г.) представлены темы, касающиеся экономической политики имперского и Временного правительств. Поднятые здесь проблемы – это и путь к научному объяснению запутанного журнально-газетной публицистикой процесса социально-политического развития России и возникновения в ней революционных взрывов 1917 г. Не случайно эта работа (как и другие исследования Китаниной) использована в фундаментальных трудах, написанных к 100-летию русской революции².

Книга состоит из вводной статьи и двух частей. В первой части охарактеризованы итоги подъёма российской экономики рубежа XIX–XX вв. и экономическая политика имперского правительства 1914 – середины 1916 г. (начало всероссийского общехозяйственного кризиса). В следующей представлены основные процессы развития российской экономики во второй половине 1916 – октябре 1917 г. и соответствующая политика не только имперского, но и Временного правительства. Здесь же освещены вопросы, связанные с ролью государства и оппозиционных общественно-представительных организаций, участвовавших в регулировании в годы войны хозяйственной деятельности России, что не позволило ей, по мнению автора, потерпеть военного поражения.

Обращаясь к сложным проблемам рассматриваемого периода, Китанина (отвлекаясь от темы неизбежного влияния идеологии на историю) подчёркивает научное значение исследований 1950–1980-х гг., которые подняли на высокую ступень процесс изучения развития промышленности, сельского хозяйства и финансов России. Как оказалось, исторической науке и сегодня не обойтись без фундаментальных исследований А.М. Анфимова, В.И. Бовыкина, П.В. Волобуева, С.В. Воронковой, И.Ф. Гиндина, С.М. Дубровского, В.Я. Лавёрычева, А.Л. Сидорова, К.Н. Тарновского, К.Ф. Шацилло, Г.И. Шигалина и многих других известных учёных. С 1990-х гг. до настоящего времени их дело продолжают такие исследователи

проблем российской экономики в годы Первой мировой войны, как П.В. Лизунов, Ю.А. Петров, С.Л. Сергеева, Ю.Ф. Субботин, Н.Е. Хитрина, В.М. Шевырин, В.В. Поликарпов и др.

Многие изученные ранее темы Китанина дополнила новыми фактами, выявленными в фондах РГИА и РГВИА, в различных сборниках 1915–1917 гг. («Финансовое обозрение», «Народное хозяйство», «Вестник финансов, промышленности и торговли» и др.), обзорах деятельности комитетов военного времени и Особых совещаний за 1917 г., в дореволюционной прессе («Биржевые ведомости», «Новое время», «Финансовая газета», «Торгово-промышленная газета», «Вестник финансов») и воспоминаниях. Так, на иной основе представлены предстория создания и роль системы Особых совещаний — по обороне, продовольствию, в том числе «майского» 1915 г., «для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения» (с. 122–147).

Внимание акцентировано на причинах запоздалой и бессистемной мобилизации промышленности, несвоевременности принятия решения о вооружении армии России. В итоге, несмотря на меры правительства и общественных организаций, Первая мировая война обернулась катастрофой для страны — долгие годы подъём её промышленности был невозможен. Это подтверждает обзор состояния российских основных хозяйственных отраслей, сделанный автором на основе новых сведений, почерпнутых из ранее неизвестных документов — о деятельности царских финансовых органов. Среди них введённые в научный оборот материалы о работе Государственного банка (из разрозненных архивных фондов Тюмени), а также новые сведения относительно Крестьянского, Дворянского банков и Инспекции мелкого кредита (с. 79, 82–85, 93).

Китанина прослеживает этапы принципиально важного изменения русско-германских отношений в преддверии войны — от классической торгово-конкурентной борьбы через стадию военно-конкурентных противоречий к открытому военно-стратегическому противостоянию. Под влиянием экономической международной конъюнктуры и торговой конкуренции сразу после образования Антанты оно переросло в вооружённый конфликт. При этом особое внимание обращено на следующие факты: ухудшение таможенных отношений («Таможенная война») до вступления в мировую войну России (с. 59–61) и её окончательный экономический разрыв с Германией (с. 190). Это важно для понимания источников рождения слухов о подписании Россией сепаратного мира с Германией и проблем, связанных с продолжением войны с ней после Февральского переворота.

Исторически и географически Россия по сравнению с другими странами, приступившими в XIX в. к модернизации, была ближе к Германии и сначала имела с ней много общего по степени отсталости от ведущих мировых держав. Но капитализм, как известно, «побеждает в рассыпном строю» и в условиях свободной конкуренции с докапиталистическими формами хозяйства, и Германия в этом преуспела. К 1913 г. Россия ей уступала по объёму промышленного производства в шесть, а по средней урожайности хлебов в 3,4 раза³. Таким образом, в войну она потеряла нужного «богатого соседа». Экономическая и прежде всего финансовая зависимость России от германских капиталов была существенной. Капиталовложения Германии в российскую экономику в 1914 г. достигли 3,8 млрд марок, что составляло $\frac{1}{7}$ всех немецких зарубежных инвестиций⁴.

Китанина подробно описала публичное обсуждение в России перспективы русско-германских торговых отношений (срок соответствующего соглашения, заключённого в 1906 г., истек 1 января 1917 г.). Автор проанализировала статьи в «Торгово-промышленной газете» и других изданиях, на страницах которых в 1915 г. прошли дискуссии о конструировании послевоенных экономических контактов Германии и России, а также об обмене мнений со стороны правительства и общественных кругов последней о принципах послевоенных русско-германских отношений (с. 194–195). Речь шла о протекционизме как основе экономической политики России, защите интересов развивавшихся по капиталистическому пути помещичьих латифундий и зажиточных крестьянских хозяйств. На первое место правительство ставило промышленное развитие страны и создание собственной индустриальной базы в качестве обеспечивавших благосостояние народа, причём за образец брались немецкая предприимчивость и организованность в достижении экономических целей (с. 196–202).

Автор существенно дополнила данные о традиционных направлениях общественно-хозяйственной деятельности земств и городских общественных представительств, об итогах их работы в годы войны при снабжении армии и населения (с. 149–166), а также об отношениях, складывавшихся между государственной властью и кооперативными промышленно-предпринимательскими и крестьянскими объединениями (с. 82–85).

В новейшей историографии Первой мировой войны слабо исследованы проблемы, связанные с развитием рыночной экономики, основанной на принципах свободного предпринимательства, многообразии форм структуры распределения, рыночного ценообразования и т.п., что имело важное значение для привлечения на сторону правительства наиболее

активного социального слоя людей. Китанина указывает, что в годы войны это становилось камнем преткновения в решении задач экономической политики, касавшейся продовольственного обеспечения фронта и функционирования рыночной экономики.

Другой клубок противоречий существовал в социально-экономической сфере — между властью и представителями кооперативного движения, поддержавшими общедемократические требования политической оппозиции царскому режиму. Как и до войны, предметом беспокойства российского правительства не являлись ни отставание аграрной экономики, ни низкий уровень национального дохода населения. Необходимое в войну усиление государственного регулирования, монополизации «вступали в сложные взаимоотношения» с кооперативным движением. Скользя законами свободу предпринимательства, «царская власть» была озабочена главным образом сбором налогов. Считаясь «с интересами зажиточного и влиятельного торгового класса» (с. 274–275), Временное правительство стремилось ограничить потребительскую кооперацию, действовавшую после Февраля 1917 г. уже «по закону», лишь снабженческо-распорядительными функциями⁵.

По объективным причинам российское предпринимательство не могло существенно повлиять на растущий в 1917 г. политико-экономический кризис. Начиная с 1915 г. война усиливала одни стороны сельского хозяйства и ослабляла другие, и власть была бессильна. С осени 1916 г. и без того напряжённая ситуация осложнилась реквизициями и продразвёрткой, вся тяжесть которой легла на крестьянские хозяйства и вызвала разнузданную спекуляцию (с. 301). Расстроенное продовольственное снабжение вызвало «вмешательство организованного потребителя» (с. 302). В итоге к осени 1917 г. голод был отмечен в более чем 200 городах не только потребительских, но и производящих районов (с. 248–253, 258, 261–277, 280–285). В числе причин Китанина называет сокрытие банками и коммерческими фирмами зерна в спекулятивных целях, саботаж крупных торговцев. Более того, в это время у крестьянства отсутствовал стимул к «отчуждению хлеба», поскольку рынок не предоставлял ему эквивалентного обмена промышленных товаров на продукты питания, заставляя обращаться к бартерному обмену (с. 309–310).

Имперское и Временное правительства в 1917 г. выступали в роли судей на стороне крупного капитала (с. 313–328, 330–334). Интересы мелких производителей, виртуально получивших в войну новый старт для социально-экономической деятельности, не учитывались. Социальные протесты, прокатившиеся

по стране до и после февральских событий, вылившиеся затем в революцию, были в подавляющем большинстве производными от экономической политики правительства. Пример тому — неудачное «регулирование» Временным правительством общероссийской экономики введением хлебной монополии (с. 337), при которой крестьяне принуждались к выдаче государству всех свободных запасов хлеба по твёрдой цене и по первому требованию. У землевладельца оставался лишь хлебный «паёк», учитывавший состав семьи и масштаб посева (с. 342–343), что не могло не вызвать народного недовольства. Протесты усилились в 1917 г. после Февральского переворота в связи с прояснившимся сознанием миллионов людей, испытывавших на себе последствия хлебной монополии. Закон о ней (март 1917 г.) являлся необходимой мерой и мог оказаться переходным, если бы Временное правительство, подчёркивает Китанина, рискнуло встать на путь регулирования других жизненно важных отраслей экономики. Но сферы деятельности свободной торговли, частного предпринимательства, отчасти и коммерческого кредита были ограничены. Не решал проблему и закон о допуске предпринимателей к хлебозаготовительным операциям без внесения эквивалентных законодательных изменений правительством в область промышленного производства и сбыта. Появление же на свободном рынке промышленных товаров по свободным ценам привело к абсурду: «Пуд хлеба по твёрдой цене равнялся одной подкове или полуаршину плохого ситца, или полфунту гвоздей... если удавалось найти товар» (с. 343). Хлебная монополия, ещё более усилив господство на рынке скупщиков и спекулянтов, вела крестьянство к полному хозяйственному разорению. Законодательство Временного правительства декларативно было направлено против «старой власти», которая «убивала и не допускала общей работы всех общественных сил страны, препятствовала их единению и тем самым сознательно вела страну к продовольственному кризису» (с. 344).

Форма публикации исключила ряд требований, предъявляемых к исследовательским работам, но это компенсируется, например, статистическими показателями, собранными автором из проанализированных по теме трудов. Это касается финансирования, индустриализации, иностранных капиталовложений, показателей аграрного развития России до войны (с. 21, 24, 27–30, 32–36, 40–44, 57–61), кануна и времени всероссийского общехозяйственного кризиса и его последствий для общеевропейского товарообмена, торгового баланса 1914–1917 гг. (с. 192–193). Интересны представленные в цифрах итоги кредитных операций и деятельности земств в инфраструктурной перестройке

к началу и в ходе войны (с. 251–256), общие показатели обострения экономического кризиса в 1916–1917 гг., наличия хлеба в стране (с. 304–305), её финансовые потери в военных условиях (с. 307).

Автор резюмирует, что к 1917 г. Россия не потерпела поражения в военном отношении. Но затянувшаяся мобилизация её промышленности, расчёт имперского правительства на прежние запасы в государственном секторе не соответствовали масштабам военных действий, а нерешительность и крайняя непоследовательность в организации транспорта приводили к огромным потерям на фронте. Подтверждён здесь и давний вывод историков: запоздалое привлечение частных промышленных предприятий к вооружению и материально-техническому снабжению фронта, получение армией необходимого вооружения лишь во второй половине 1916 г. — следствие того, что царизм боялся допускать представителей буржуазии к регулированию экономики. Кроме того, Временное правительство получило «в наследство» от имперского и забвение нужд тыла. Всё это, безусловно, значительно углубило кризисные явления в стране. Попытки же их ослабить, предпринятые государственными структурами, оказались безрезультатными.

Обращение Китаниной к неоднократно освещённым в историографии вопросам, теперь вновь поднятым, напомнило крайне неблагоприятную борьбу с «новым направлением» в исторической науке в начале 1970-х гг. Тогда изучение экономики России периода Первой мировой войны фактически остановилось. Не учтя ошибки, допущенные прошлыми правительствами, высшая власть, возможно, наказала себя. В 1990-х гг. при исследовании основных причин революции у историков появилась «боязнь» преувеличения экономической основы ведущих к ней процессов — из ложного опасения прослыть «марксистами».

Резюме автора к каждой из тем является отправным моментом будущих исследований. В первом разделе это касается оценок поступательных процессов эволюции экономической жизни страны 1914 — середины 1916 г., изменений для неё конъюнктуры на европейском рынке, ошибочности мнения военных властей о том, что оборонная промышленность «вывезет» в условиях войны.

В качестве постановки проблемы обращено внимание на углубление противоречий между российскими ведомствами, на последовавшие затем сбои в системе регулирования экономики и ослабление экономической политики царской власти. Пока в новых работах чаще всего только декларируется и иллюстрируется то, что привело к обострению общероссийского экономического кризиса — нерешительность,

бессистемность, перекосы в ликвидации диспропорций в отраслях экономики и проч. (с. 46, 61, 93, 113, 130, 147, 185).

Во втором разделе автор сконцентрировала внимание на нарушении европейского товарообмена в годы войны и на фактах враждебного отношения к России нейтральных государств, влиявших на её военную силу. В главах раздела — заявка на погружение в изучение последствий демографических процессов для российской деревни, их значения для рынка наёмной рабочей силы в стране. Одна из задач будущих исследователей — дать общую, разностороннюю картину воюющей России, включая множество типов и форм карточной и других «раздаточных» систем на продовольствие и товары, жизнеспособность крестьянской кооперации, и представить результаты углублённого изучения преобразования деревни через расширение инфраструктуры при увеличении роли земств и т.д. Конечно, требуется специальное исследование, посвящённое сравнению сложных клубков противоречий, возникших в деятельности имперского и Временного правительств в области экономической политики, а также направлениям их работы по ослаблению кризиса в стране и схожести причин провала таких начинаний (с. 192, 224, 234, 244–245, 259, 277, 330–335).

История не знает сослагательного наклонения и, чтобы не появлялись бесчисленные версии того, «что могло бы быть, если бы не революция», следует помнить: во все времена важно не сведение счётов с историей, а усвоение её уроков. В канун войны, во избежание разрушающего кризиса в стране, имперское и Временное правительства должны были в полной мере осуществить модернизацию промышленности и создать новые социальные механизмы, которые послужили бы основой их экономической политики.

Примечания

¹ *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. С. 371.

² См., например: *Российская революция 1917 года: власть, общество, культура.* В 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. Т. 1. М., 2017. С. 13, 320–321, 324, 327, 331, 351, 355, 357, 487.

³ *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1948. С. 276–277, 288.

⁴ *Петров Ю.А.* «Альянс побеждённых»: довоенная задолженность и проблема восстановления экономических отношений России и Германии (1917–1920-е гг.) // *Экономическая история.* Ежегодник. 2005. М., 2005. С. 44–54.

⁵ *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 368.